

Долина Ужаса. Совет юстиции

«Долина Ужаса». А. Конан Дойл

Таинственное убийство, и множество косвенных свидетелей, и достаточно широкий круг подозреваемых, и целая гроздь улик, и, - кроме Шерлока Холмса с доктором Ватсоном, целая бригада полицейских детективов, и, наконец, старинный дом, окруженный рвом с водой, своего рода запертая комната, откуда убийце никак нельзя уйти незамеченным...

«Совет юстиции». Э. Уоллес

Приключения трех друзей, остроумных, аристократичных и безумно смелых: Гонзалеса, Манфреда и Пуаккара, которые избрали рискованный путь неформальных слуг Немезиды, совершая возмездие над преступниками, которым удалось избежать судебного преследования...

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА

Артур Конан Дойл
Долина Ужаса

Эдгар Уоллес
Совет юстиции

Артур Конан Дойл

Долина Ужаса

Эдгар Уоллес

Совет юстиции

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2011

ISBN 978-966-14-1908-6 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

До двенадцатого тому серії «Золота бібліотека детективу» увійшли романи А. Конан Дойла «Долина Жаху» і Е. Воллеса «Рада юстиції».

Дойл А. К.

Д62 Долина Ужаса / Артур Конан Дойл. Долина Ужаса / Эдгар Уоллес. Совет юстиции; [к сб. в целом : пер. с англ. В. Михалюка ;

предисл. В. Г. Гитина ; худож. А. Семякин]. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2011. — 304 с. : ил. — (Серия «Золотая библиотека детектива», ISBN 978-966-14-0746-5 (Украина), ISBN 978-5-9910-1143-3 (Россия)).

ISBN 978-966-14-1353-4 (Украина, т. 12)

ISBN 978-5-9910-1605-6 (Россия, т. 12)

В двенадцатый том серии «Золотая библиотека детектива» вошли романы А. Конан Дойла «Долина Ужаса» и Эдгара Уоллеса «Совет юстиции».

ББК 84.4ВЕЛ

Предисловие

З аключительный том «Золотой библиотеки детектива» открывается романом сэра Артура Конан Дойла «Долина Ужаса» — с Шерлоком Холмсом в статусе главного героя. Здесь присутствуют все характерные элементы «джентльменского набора» писателя, работающего в этом жанре: и таинственное убийство, и множество косвенных свидетелей, и достаточно широкий круг подозреваемых, и целая гроздь улик, и, — кроме Шерлока Холмса с доктором Ватсоном, — целая бригада полицейских детективов, и, наконец, старинный дом, окруженный рвом с водой, — своего рода запертая комната, откуда убийце никак нельзя уйти незамеченным...

И все же это произведение едва ли возможно назвать очередным звеном успешно наработанной серии. Оно весьма заметно отличается от буквально всех предыдущих, и прежде всего отсутствием традиционного *happy end*, что явно идет вразрез с общепринятыми канонами жанра, тем более в ту эпоху, названную «Золотым веком детектива».

Шерлок Холмс с присущим ему блеском решает запутанную криминальную головоломку, но его действия не влекут за собой наказания Зла, которое не персонифицировано, как во всех других произведениях Конан Дойла, а растворено в огромной, если не сказать — глобальной, преступной сети, в борьбе с которой, увы, бессилён даже самый могучий интеллект в сочетании с отменной личной храбростью.

Общепринятые в то время каноны напрочь исключали упоминание в произведении детективного жанра какого-либо *тайного преступного сообщества*, следовательно, автор, будучи хорошо знакомым с этим требованием, нарушает его вполне осознанно, причем в ущерб художественной целостности романа.

Писатель такого уровня не мог пойти на подобный шаг случайно или за неимением необходимых выразительных средств. Следует учесть то, что роман вышел в свет в 1915 году, во время Первой

мировой войны, когда уже достаточно явственно намечались тенденции глобализации леворадикальных идей, и вероятные последствия этого процесса не так уж сложно было предугадать.

В то время вся Европа превратилась в «долину ужаса», что, конечно же, не могло оставить равнодушным Конан Дойла.

Впрочем, мировая общественность с присущим ей легкомыслием восприняла роман вовсе не как суровое предостережение, а как очередной премилый шедевр с участием полюбившихся героев, популярность которых не имела себе равных.

Достаточно упомянуть целый шквал пародий, имевших огромный успех у читающей публики, таких как: «В погоне за плавучим домом», «Заколдованная пишущая машинка» или «Законсервированные истории», написанные Джоном Кендриком Бэнгсом, автором серии газетных публикаций: «Шайлок Холмс и его посмертные мемуары».

Это стало своеобразной модой, признаком писательской респектабельности. Фрэнсис Брет Гарт, будучи знаменитым и вполне самодостаточным к концу XIX века, тем не менее считал своим долгом создать легко угадываемого Хемлока Джонса, а канадец Роберт Барр — Шерлоу Комбса. Морис Леблан, автор широко известных приключений Арсена Люпена, весьма остроумно описал его столкновение с Шерлоком Холмсом в рассказе «Херлок Шолмс прибывает слишком поздно». Впоследствии этот рассказ разросся в популярную книгу «Херлок Шолмс против Арсена Люпена».

О. Генри написал пародийные «Ищейки» и «Приключения Шемрока Джолнса», а Марк Твен — «Двухствольный детектив».

И это лишь небольшая часть великого множества опусов на тему Великого Сыщика.

В 1954 году сын писателя, Адриан Конан Дойл, в содружестве с Джоном Диксоном Карром создал книгу «Героические подвиги Шерлока Холмса», а в 1987 году увидел свет сборник произведений группы литераторов под названием «Новые приключения Шерлока Холмса». Предисловие к этой книге написала Джин Конан Дойл, дочь сэра Артура.

А еще появились клубы, самый престижный из которых основан в 1934 году под названием «Волонтеры Бейкер-стрит». Подобные заведения встречаются на всех континентах, но главным образом в США. Их названия подчас довольно претенциозны, если не сказать

больше: «Благородные холостяки», «Баскервильские собаки», «Скандальные богемцы» или совсем уж спорное — «Три сына Мориарти»...

Впрочем, дело ведь не в названиях, а в благодарной памяти человечества.

О творчестве Эдгара Уоллеса один литературный критик в свое время отозвался так: «Пытаться оценивать произведения Уоллеса литературными мерками было бы столь же бесплодно, как рассматривать груды щебня глазами скульптора».

Имя этого критика никто уже не помнит.

В отличие от имени Уоллеса.

Роман «Совет юстиции» является частью небольшой серии, посвященной приключениям трех друзей, остроумных, аристократичных и безумно смелых: Гонзалеса, Манфреда и Пуаккара, которые избрали рискованную стезю неформальных слуг Немезиды, совершая акты возмездия относительно преступников, которым удалось тем или иным способом уклониться от судебного преследования.

Их методы можно назвать незаконными, но, с другой стороны, не аморально ли правосудие, позволяющее убийце разгуливать на свободе да еще издеваться над родственниками своей жертвы? Вакуум, как известно, заполняется. И правовой — вовсе не исключение из общего правила.

Нарушенную гармонию восстанавливают смелые и непреклонные в своих убеждениях рыцари без страха и упрека, носители истинной нравственности, которую Гилберт Кит Честертон охарактеризовал как «самый тайный и смелый из заговоров», а самоотверженную деятельность этих людей — «донкихотство, которому сопутствует успех».

Эти донкихоты (увы!) подчас воюют с ветряными мельницами или по неясному душевному порыву освобождают из-под стражи неблагодарных каторжников, но при любых обстоятельствах они несут добро на остриях своих копий, несут самоотверженно и бескорыстно,

удивляя этим не только прагматичных оруженосцев, но и многих иных, кто, обрядившись в тогу добродетели, пытается навешивать ценник на любую святыню человечества.

Страшно представить себе жизнь без этих рыцарей.

Как заметил Иван Сергеевич Тургенев, «когда переведутся донкихоты, пускай закроется книга Истории. В ней нечего будет читать».

Вот такие они, донкихоты Шерлок Холмс и доктор Ватсон, инспектор Филд и Огюст Дюпен, Джон Ридер, отец Браун, Фламбо, Хорн Фишер, Гонзалес, Манфред, Пуаккар, все, кто спасал мир, заключенный в двенадцати томах «Золотой библиотеки детектива», от засилья Зла, от кровавого хаоса, от безысходности и отчаяния.

И не только мир, порожденный фантазией великих писателей, но и наш, абсолютно реальный, который столь же остро нуждается в их защите, о чем, в частности, свидетельствует и сейчас, в XXI веке, нескончаемый поток писем, адресованных некоему мистеру Шерлоку Холмсу, проживающему по адресу: Бейкер-стрит 221-б...

В. Гитин, исполнительный вице-президент Ассоциации детективного и исторического романа

Артур Конан Дойл

Долина Ужаса

Часть 1 Трагедия в Берлстоуне

Глава 1. Предупреждение

— Я тут подумал, что...

— Давайте думать буду я, — резко оборвал меня Шерлок Холмс.

Мне всегда казалось, что я наделен просто ангельским терпением, но должен признать, что это язвительное замечание меня сильно задело.

— Знаете, Холмс, — сухо произнес я, — вы порой становитесь просто несносны.

Он был слишком занят своими мыслями, чтобы сразу ответить на мое замечание. Подперев голову рукой, он сидел над нетронутым завтраком и рассматривал небольшой листок бумаги, который только что достал из конверта. Потом он взял конверт, поднес к свету и очень внимательно осмотрел его с обеих сторон.

— Это почерк Порлока, — задумчиво произнес он. — Да, я почти не сомневаюсь, это почерк Порлока, хотя до сих пор мне его приходилось видеть всего пару раз. Характерная прописная «Е» с интересным завитком сверху... Но, если это Порлок, дело должно быть исключительной важности.

Холмс скорее размышлял вслух, чем обращался ко мне, но слова его так меня заинтересовали, что я даже позабыл об обиде.

— А кто это — Порлок?

— Порлок, Ватсон, это *nom-de-plume*[1], всего лишь способ обозначить себя, но за ним скрывается ловкая и сноровистая личность. В предыдущем письме он честно признался, что это не настоящее его имя, и даже предложил мне разыскать его среди миллионов жителей этого огромного города. Но Порлок сам по себе не интересен. Интересен тот великий человек, с которым он связан. Представьте себе рыбу-лоцмана рядом с акулой или шакала, который всюду следует за львом... Да все, что угодно, незначительное, что сопровождает нечто большое. И не просто большое, Ватсон, но опасное... в высшей степени опасное и злое. Его я представляю себе таким. Я вам когда-нибудь рассказывал о профессоре Мориарти?

— А, это тот ученый преступник, который так же знаменит среди жуликов, как...

— Не заставляйте меня краснеть, Ватсон! — смущенно махнул рукой Холмс.

— Я хотел сказать: как и совершенно неизвестен обычным людям.

— Bravo, Ватсон! Bravo! — воскликнул Холмс. — Я вижу, вы уже научились язвить. Нужно будет придумать, как от этого защищаться. Но то, что вы называете Мориарти преступником, с точки зрения закона является клеветой... И в этом заключается непостижимость ситуации! Величайший комбинатор всех времен, организатор и вдохновитель всех самых жестоких и коварных преступлений, злой мозг криминального мира, разум, который мог бы вершить судьбы наций... Вот какого масштаба этот человек! Но перед законом он настолько чист, более того, ведет такой незаметный и совершенно законопослушный образ жизни, что его не то что нельзя обвинить, он сам бы мог привлечь вас к ответственности за только что произнесенные слова и получить вашу годовую пенсию в качестве возмещения за клевету, поправное достоинство. Это ведь он является автором той самой знаменитой «Динамики астероида», книги, которая поднимается к таким высотам чистой математики, что, как выяснилось, в научном мире не нашлось никого, кто мог бы дать ей достойную критическую оценку. И на такого человека вы наговариваете! Несдержанный на слова доктор и ставший жертвой клеветнических нападок профессор — вот какие роли были бы вам уготованы. Говорю вам, это гений, Ватсон. Но ничего, дайте мне время, я и до него доберусь.

— О, как хотел бы я это видеть! — в порыве воскликнул я. — Но вы говорили об этом человеке, Порлоке.

— Ах да... Человек, которого мы знаем под именем Порлок, — это одно из звеньев цепочки, ведущей к его великому спутнику. И, честно говоря, не самое надежное. Но это единственное слабое звено, которое я нашел.

— Но ведь прочность любой цепи измеряется прочностью самого слабого звена.

— Совершенно верно, дорогой Ватсон! Именно поэтому Порлок так важен. Кое-какие зачатки добра, еще оставшиеся в его душе, плюс десять фунтов, которые я время от времени ему подбрасываю на всякий случай, — в результате я пару раз получал от него предварительные сведения о планах преступников... Бесценные сведения, которые дают возможность предвидеть и предотвратить преступление, а не помогают раскрыть его. Не сомневаюсь, если бы у нас был ключ к шифру, мы бы выяснили, что его письмо как раз из разряда таких предостережений.

Холмс положил записку на оставшуюся неиспользованной тарелку, я встал, подошел к нему и посмотрел на это необычное послание. Вот что я увидел:

534 II 13 127 36 31 4 17 21 ДУГЛАС 41 109 293 5 37 БЕРЛСТОУН
26 «БЕРЛСТОУН» 9 47 171

— Что это, по-вашему, Холмс?

— Очевидно, некое зашифрованное послание.

— Какой смысл присылать шифровку, не указав ключа к шифру?

— В данном случае — никакого.

— Что значит «в данном случае»?

— То, что существует множество шифров, прочитать которые для меня не сложнее, чем криптограммы в газетах в разделе частных объявлений. Подобного рода ухищрения скорее являются разминкой для ума, чем настоящей задачей. Но здесь другой случай. Несомненно, это указание на определенные слова на странице какой-то книги. Пока я не узнаю, что это за книга и на какую страницу нужно смотреть, прочитать послание невозможно.

— А почему слова «Дуглас» и «Берлстоун» не зашифрованы?

— Разумеется, потому, что их не оказалось на данной странице книги.

— Тогда почему он не указал книгу?

— Ваша врожденная осторожность, Ватсон, та присущая вам осмотрительность, которой так восхищаются ваши друзья, тоже не позволила бы вам посылать и шифровку, и ключ к шифру в одном конверте. Попади такое послание не в те руки, его не составило бы труда прочитать. С минуты на минуту должны принести почту, и я сильно удивлюсь, если мы не получим второго письма с объяснением или, что более вероятно, саму книгу, к которой относятся эти цифры.

Расчеты Холмса очень скоро полностью подтвердились, когда Билли, помогающий нам по хозяйству мальчишка, принес ожидаемое письмо.

— Та же рука, — вскрывая конверт, сказал Холмс. — О, оно даже подписано, — ликующим голосом добавил он, развернув сложенный пополам листок. — Дело продвигается, Ватсон.

Однако, когда он прочитал послание, по лицу его пробежала тень.

— Какая жалость! Боюсь, Ватсон, что наши ожидания окажутся напрасными. Надеюсь, Порлоку ничего не угрожает. Послушайте, что он пишет:

«Дорогой мистер Холмс!

Я выхожу из этого дела — слишком опасно. Он меня подозревает. Я это чувствую. Когда я подписывал этот конверт, в котором собирался отправить ключ к шифру, он вошел в комнату так неожиданно, что мне едва удалось кое-как прикрыть Ваш адрес. Если бы он его увидел, у меня были бы очень большие неприятности. Я вижу, с каким подозрением он на меня смотрит. Прошу Вас, сожгите мое предыдущее письмо с шифром. Оно вам не пригодится.

Фред Порлок».

Прочитав письмо, Холмс надолго задумался, устремив хмурый взгляд на огонь в камине.

— В конце концов, — наконец сказал он, взвесив записку на ладони, — может быть, никакого повода для беспокойства и нет. Вполне возможно, это лишь его разыгравшееся воображение. Понимая, что является предателем, он мог прочитать в чужих глазах обвинение, которого там на самом деле не было.

— А «он» — это, надо полагать, профессор Мориарти.

— Да. Когда такие люди говорят «он», можете не сомневаться, кого они имеют в виду. Для них всех есть лишь один «ОН».

— Ну, и что такого *он* может сделать?

— Хм. На этот вопрос трудно ответить. Когда твоим врагом становится один из умнейших людей Европы, в руках которого сосредоточены все силы зла, возможности просто безграничны. Как бы то ни было, мой друг Порлок напуган до смерти... Можете сравнить его почерк в записке и на конверте, который он подписывал, как указано, еще до этого зловещего визита. Один почерк четкий и уверенный, второй едва читаемый.

— А почему он все-таки решил писать? Он же мог просто выбросить конверт.

— Побоялся, что я захочу узнать, что случилось, а это могло бы выдать его.

— Несомненно, — сказал я. — Очевидно, так и есть. — Я поднял первое письмо и еще раз вчитался в него. — Как все-таки обидно иметь в руках важнейшее послание и понимать, что прочитать его вне человеческих возможностей.

Шерлок Холмс отодвинул давно остывший завтрак и взялся за трубку, которую всегда курил, когда нужно было крепко подумать. Комната наполнилась зловонным табачным дымом.

— Вот что интересно, — сказал он, откидываясь на спинку стула и устремляя взгляд в потолок, — мне кажется, что некоторые обстоятельства все же ускользнули от вашего макиавеллиевского ума. Давайте рассмотрим это дело в свете чистой логики. Примем за основу то, что этот человек отсылает нас к определенной книге.

— Довольно шаткая основа.

— Посмотрим, удастся ли нам как-то ее укрепить. Чем больше я думаю об этой загадке, тем менее неразрешимой она мне кажется. Какие указания имеем мы относительно этой книги?

— Никаких?

— Ну-ну, не все так плохо. Зашифрованное послание начинается с немаленького числа 534, верно? Можно принять за рабочую гипотезу, что 534 — это указание на ту страницу, которая является ключом к шифру. Таким образом, книга наша должна быть толстой. Это уже что-то. Что еще мы можем о ней выяснить из записки? Далее идет знак II. Что это, по-вашему, Ватсон?

— Конечно же, указание на главу.

— Вряд ли. Я думаю, вы не станете спорить, что, сообщив страницу, указывать главу не имеет смысла. К тому же, если на пятьсот тридцать четвертой странице книга доходит только до второй главы, то длина глав в ней превосходит любые разумные пределы.

— Значит, это столбец!

— Превосходно, Ватсон! Сегодня вы просто блещете умом. Готов спорить на что угодно, что это именно столбец. Итак, начинает вырисовываться толстая книга, в которой текст набран столбцами, причем достаточно длинными, поскольку среди указанных слов есть даже двести девяносто третье. Может ли логика подсказать нам что-либо еще?

— Боюсь, больше мы ничего не узнаем.

— Вы к себе несправедливы. Ну же, Ватсон, еще одно усилие, еще одна гениальная догадка! Если бы книга была какой-то необычной, он прислал бы ее нам. Но он этого не делает — судя по размеру конверта, прежде чем его планы были нарушены, он хотел лишь сообщить, о какой книге идет речь. Он сам пишет об этом в письме. Это указывает на то, что, как он считает, мне не составит труда самому раздобыть эту книгу. Книга эта есть у него, он уверен, что она есть и у меня. Другими словами, это очень распространенная книга.

— То, что вы говорите, звучит довольно правдоподобно.

— Итак, наши поиски теперь можно ограничить. Нас интересует очень распространенная толстая книга, набранная в два столбца.

— Библия! — взволнованно воскликнул я.

— Хорошо, Ватсон, хорошо. Но не совсем. Предположим, я мог бы иметь ее, но мне кажется совершенно неправдоподобным, чтобы эта книга была всегда под рукой у одного из помощников Мориарти. К тому же Святое Писание имеет очень много разных изданий, и вряд ли бы он посчитал, что нумерация страниц в моей и его копиях совпадет. Нет, эта книга должна быть стандартной, одинаковой во всех изданиях. Он уверен, что его пятьсот тридцать четвертая страница не отличается от моей пятьсот тридцать четвертой.

— Но таких книг очень немного.

— Вот-вот. В этом наше спасение. Теперь мы ограничены лишь книгами, которые всегда перепечатываются в одном и том же виде и которые могут найтись в любом доме.

— Железнодорожный справочник! «Брэдшо»!

— Нет, Ватсон, с этим тоже есть сложности. Лексикон Брэдшо хоть и емок, но ограничен. Набор слов в нем вряд ли подходит для того, чтобы пользоваться им для составления посланий общего содержания. Исключим «Брэдшо» из нашего списка. От словарей, боюсь, придется отказаться по той же причине. Что же остается?

— Какой-нибудь ежегодник?

— Блестяще, Ватсон! Голову даю на отсечение, что вы попали в точку! Ежегодник! Давайте рассмотрим энциклопедический ежегодник Витакера. Он достаточно распространен, в нем интересующее нас количество страниц, текст набран в два столбца. Если в предыдущих изданиях язык его был довольно сух, то в последнем, если я не ошибаюсь, ситуация как раз обратная. — Холмс взял с письменного стола том. — Итак, вот страница пятьсот тридцать четыре, второй столбец. Здесь большая статья, посвященная... торговле и экономическим ресурсам Британской Индии. Записывайте слова, Ватсон. Тринадцатое — «Маратхи». Боюсь, не самое обнадеживающее начало. Сто двадцать седьмое — «правительство». Тут есть хоть какой-то смысл, хоть к нам и к профессору Мориарти вряд ли применимый. Что ж, попробуем дальше. Чем же занимается правительство Маратхи? М-да! Следующее слово — «щетину». Ничего не вышло, мой дорогой Ватсон. Все кончено!

Голос у него был веселым, но по тому, как густые брови сошлись у него над переносицей, я понял, что мой друг расстроен и недоволен. Признаться, я тоже не был готов к неудаче. Насупившись, я стал смотреть на огонь. Долгое молчание нарушил неожиданный возглас Холмса.

— Ватсон! Все дело в том, что мы с вами идем в ногу со временем и вооружены самыми последними справочниками. Поэтому и поплатились! — снова оживился он. — Сегодня всего лишь седьмое января, а у нас уже имеется свежий ежегодник. Я более чем уверен, что Порлок, составляя шифровку, пользовался предыдущим изданием. Несомненно, он сообщил бы мне об этом, если бы все-таки написал письмо с объяснением. Давайте посмотрим, что нам даст пятьсот тридцать четвертая страница прошлогоднего издания. Тринадцатый номер — «вскоре», и это уже на что-то похоже. Номер сто двадцать семь — «опасность», — глаза Холмса заблестели, длинные худые пальцы крепче впились в книгу. — «Будет», — продолжал он называть

слова. — Ха! Ха! Превосходно! Записывайте, Ватсон. «Вскоре опасность будет... грозить... человек... по... фамилии». Потом у нас указано Дуглас. «Сельский... богач... сейчас... проживает... в... Берлстоун... усадьба Берлстоун... уверенность... дело... срочно». Ну вот, Ватсон. Что вы теперь скажете о чистой логике и ее возможностях? Надо послать Билли к зеленщику, может, у него имеются в продаже лавровые венки.

Я удивленно рассматривал получившееся послание, которое записывал под диктовку Холмса на листе бумаги, разложенном на моем колене.

— Что за странная манера излагать свои мысли! — заметил я.

— Наоборот, он прекрасно справился с задачей, — возразил Холмс. — Когда тебе необходимо подобрать слова, а в твоём распоряжении имеется всего лишь один столбец текста, нельзя надеяться, что в нём найдётся все, что тебе нужно. Хочешь не хочешь, придётся полагаться на догадливость своего корреспондента. Смысл послания совершенно ясен. Замышляется определенное преступление, жертвой которого должен стать некто Дуглас, богатый сельский джентльмен, проживающий в указанном поместье. В том, что дело серьезное и срочное, Порлок не сомневается... «Уверенность» — самое близкое по смыслу к «уверен» слово, которое он нашел в тексте. Все встало на свои места! Да, пришлось нам потрудиться!

Холмс приосанился, преисполнился сдержанной гордости, как художник, стоящий рядом со своим лучшим творением, хотя совсем недавно, когда потерпел неудачу, испытывал не меньшее по силе противоположное чувство. Он все еще наслаждался успехом, когда Билли распахнул дверь и в комнату стремительным шагом вошел инспектор Макдональд из Скотленд-Ярда.

Это происходило в самом начале восьмидесятых годов, когда имя Алека Макдональда еще не гремело на всю страну. Тогда это был молодой подающий надежды детектив, который успешно провел несколько дел. При взгляде на высокого подтянутого молодого инспектора становилось понятно, что он наделен не только исключительной физической силой, но и острым умом, о чем свидетельствовали крупный череп и глубоко посаженные яркие глаза, поблескивающие под густыми бровями. Алек Макдональд был

молчаливым, аккуратным человеком, педантичным и упорным, разговаривал с сильным абердинским акцентом.

За свою карьеру он уже дважды обращался к Холмсу за помощью, и оба раза мой друг помогал ему добиться успеха, причем делал это совершенно бескорыстно, поскольку интеллектуальное удовлетворение от работы было для него лучшей наградой. По этой причине шотландец относился к своему коллеге с огромным уважением и восхищением и обращался к нему всякий раз, когда сталкивался с какими-либо трудностями. Посредственность не приемлет ничего выше себя, но талант мгновенно распознает гений, и Макдональд был достаточно талантлив в своей профессии, чтобы понимать, что нет ничего зазорного в том, чтобы принимать помощь от лучшего и опытнейшего специалиста во всей Европе. Нельзя сказать, чтобы Холмс считал его своим другом, но всегда был рад встрече с этим энергичным шотландцем.

— А вы ранняя пташка, мистер Мак! — воскликнул он. — Удачи вам с поиском червячка. Впрочем, боюсь, что вы к нам пожаловали не просто так, а по делу.

— Если бы вы сказали не «боюсь», а «надеюсь», это было бы ближе к истине, мистер Холмс, — улыбнулся в ответ инспектор. — Сегодня утром так холодно, вот я и решил заскочить к вам на секунду немного согреться. Нет, я не буду курить, спасибо. Долго засиживаться у вас тоже не буду — вы же знаете, чем раньше берешься за дело, тем лучше. Но... но...

Инспектор вдруг замолчал и в полном недоумении впился глазами в листок бумаги на столе, тот самый, на котором я записывал загадочное послание.

— Дуглас! — неуверенным голосом, запинаясь произнес он. — Берлстоун! Что это, мистер Холмс? Я не верю своим глазам! Откуда вы об этом знаете?

— А, это мы с доктором Ватсоном прочитали одну шифровку. Но почему... Что произошло с этим Дугласом?

— Только то... — инспектор перевел удивленный взгляд на меня, потом снова посмотрел на Холмса. — Только то, что мистер Дуглас, проживающий в усадьбе Берлстоун, этой ночью был зверски убит.

Глава 2. Шерлок Холмс рассуждает

Именно ради таких драматических моментов и жил мой друг. Было бы преувеличением сказать, что его поразило или даже взволновало это неожиданное известие. Нет, этот удивительный человек не был бездушным, просто долгая жизнь в постоянном нервном возбуждении притупила его чувства. Впрочем, хоть душевные переживания и были чужды ему, в тот миг интеллектуальное возбуждение его достигло предела. Ничего подобного тому ужасу, который испытал я, на его лице не отразилось, скорее, на нем появилось выражение заинтересованности, как у химика, наблюдающего образование кристаллов в перенасыщенном растворе.

— Любопытно, — сказал он. — Очень любопытно!

— Вы, похоже, вовсе не удивлены?

— Скорее заинтересован, чем удивлен, мистер Мак. Чему тут удивляться? Из достоверного, хоть и анонимного источника я получаю предупреждение о том, что определенному человеку угрожает опасность, и не проходит и часа, как я узнаю, что опасность эта материализовалась и человек погиб. Как вы верно заметили, меня это совершенно не удивляет.

Он в нескольких словах рассказал инспектору о письме и шифре. Макдональд слушал его молча, подперев сцепленными ладонями подбородок, его кустистые рыжие брови были напряженно сдвинуты.

— Сегодня утром я собирался ехать в Берлстоун, — сказал он. — К вам я зашел спросить, не хотите ли вы поехать со мной... Вы с доктором Ватсоном. Но теперь мне начинает казаться, что нам полезнее задержаться в Лондоне.

— Я так не думаю, — возразил Холмс.

— Черт подери, мистер Холмс! — вскипел инспектор. — Через день-два все газеты будут трубить о берлстоунской загадке. Но где же тут загадка, если в Лондоне нашелся человек, который предсказал это преступление еще до того, как оно было совершено? Все, что нам нужно, это найти этого человека.

— Несомненно, мистер Мак. Но как вы предлагаете искать этого так называемого Порлока?

Макдональд повертел в руках конверт, который протянул ему Холмс.

— Отправлено из Камбервелла... Это нам мало поможет. Имя, как вы говорите, вымышленное. Действительно, негусто. Вы, кажется, упоминали, что посылали ему деньги?

— Дважды.

— И как вы это делали?

— Переводом до востребования в камбервеллское почтовое отделение.

— А вы когда-нибудь узнавали, кто их получал?

— Нет.

Инспектор сильно удивился.

— Но почему?

— Потому что я всегда держу свое слово. Когда он первый раз написал мне, я обещал, что не стану выслеживать его.

— Вы думаете, за ним кто-то стоит?

— Я не думаю, я это знаю.

— Тот профессор, о котором вы как-то упоминали?

— Совершенно верно.

Инспектор Макдональд улыбнулся и бросил на меня многозначительный взгляд.

— Мистер Холмс, я не буду от вас скрывать, мы в управлении считаем, что у вас что-то вроде пунктика по поводу этого профессора. Я сам навел о нем справки. Похоже, это вполне уважаемый и образованный человек, талантливый ученый.

— Я рад, что вы хотя бы признаете его талантливость.

— Да как же не признать-то? После того, что вы о нем рассказывали, я посчитал своим долгом встретиться с ним. Мы с ним поговорили о затмениях. Уж я не знаю, как наш разговор на такую тему перешел, но у него там были зеркальный фонарик и глобус, и он вмиг мне растолковал, как это все происходит. Он даже книжку мне всучил, хотя, если честно, я в ней ровным счетом ничего не понял, несмотря на то что у меня прекрасное абердинское образование. Мне он показался больше всего похожим на какого-нибудь министра: худое лицо, седые волосы, важная манера говорить. Когда мы расставались, он положил мне руку на плечо, как отец, отпускающий сына в большой жестокий мир.

Холмс рассмеялся.

— Великолепно! — воскликнул он, потирая руки. — А скажите, друг мой Макдональд, эта милая трогательная беседа проходила в кабинете профессора?

— Да.

— И, должно быть, это очень неплохая комната, верно?

— Очень неплохая... Действительно, вполне приличная комната, мистер Холмс.

— Он принимал вас, сидя за своим письменным столом?

— Совершенно верно.

— И солнце светило вам в глаза, а его лицо оставалось в тени.

— Ну, это было вечером, но на меня была направлена лампа.

— Разумеется. Вы случайно не обратили внимание на картину на стене над профессорской головой?

— Я на все обращаю внимание, мистер Холмс. Должно быть, у вас этому научился. Да, я видел картину. На ней была изображена молодая женщина, склонившая голову на руки и смотрящая немного в сторону.

— Эта картина кисти Жана Батиста Греза.

Инспектор постарался принять заинтересованный вид.

— Жан Батист Грез, — продолжил Холмс, откинувшись на спинку кресла и соединив перед собой кончики пальцев, — это французский живописец, расцвет которого пришелся на период между тысяча семьсот пятидесятым и тысяча восьмисотым годами. Я, разумеется, имею в виду творческий расцвет. Современные исследователи ценят работы этого мастера намного выше, чем его современники.

Взгляд инспектора сделался рассеянным.

— Может быть, нам бы стоило... — неуверенно произнес он.

— Мы этим и заняты, — оборвал его Холмс. — Все, что я говорю, имеет важное и самое непосредственное отношение к делу, которое вы окрестили «берлстоунской загадкой». Более того, в некотором роде это можно даже назвать его сутью.

Макдональд слабо улыбнулся и посмотрел на меня, как будто ища поддержки.

— Я не успеваю за вашими мыслями, мистер Холмс. Вы не все объяснили, и я совершенно потерял нить ваших рассуждений. Какое вообще отношение имеет этот давно умерший художник к тому, что произошло в Берлстоуне?

— Для сыщика полезны любые знания, — заметил Холмс. — Даже такой незначительный факт, что в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году на аукционе Портали картина Греза «*La Jeune Fille a l'Agneau*»[2] была продана за один миллион двести тысяч франков, а это больше сорока тысяч фунтов, может направить ваши мысли в нужное русло.

По лицу инспектора было видно, что так и произошло. Его брови поползли вверх.

— Кроме того, могу напомнить вам, — продолжил Холмс, — что профессорский оклад — не тайна. Заглянув в любой справочник, вы увидите, что он составляет семьсот фунтов в год.

— Каким же образом он смог купить...

— Именно! Как он смог?

— Так-так-так. Очень интересно, — задумчиво пробормотал инспектор. — А что вам еще известно, мистер Холмс? Продолжайте, я с удовольствием вас еще послушаю.

Холмс улыбнулся. Искреннее восхищение ему, как и любому великому творцу, всегда доставляло удовольствие.

— А как же Берлстоун? — ядовито спросил он.

— Внизу меня ждет кеб, — сказал инспектор, взглянув на часы, — и до вокзала Виктории ехать от силы минут двадцать, так что время у нас еще есть. Но по поводу этой картины, мистер Холмс... Я помню, вы как-то раз обмолвились, что никогда не встречались с профессором Мориарти.

— Так и есть.

— Тогда откуда же вам известно, как выглядит его кабинет?

— Это уже другой вопрос. В его кабинете я побывал три раза. Дважды я дожидался его под разными предлогами и уходил, не дождавшись. В третий раз... Вообще-то мне бы не стоило рассказывать этого полицейскому инспектору, но в третий раз я позволил себе покопаться в его бумагах... И результаты оказались самыми неожиданными.

— Вы обнаружили что-то компрометирующее?

— Нет, ничего такого там не было. Как раз это и удивило меня больше всего. Но, думаю, вы поняли, почему я обратил ваше внимание на эту картину. Ее наличие в этом кабинете указывает на то, что профессор очень богат. Откуда у него деньги? Он не женат. Младший брат его работает начальником железнодорожной станции где-то на

западе Англии. Профессорское кресло приносит ему семьсот фунтов в год. Но в кабинете у него висит Грез!

— И что?

— По-моему, вывод очевиден.

— Вы хотите сказать, что он имеет большие нелегальные доходы?

— Совершенно верно. Разумеется, помимо этого у меня есть и другие причины так думать... Десятки тончайших нитей, ведущих в самую середину паутины, где затаилось хищное ядовитое существо. Я упомянул Греза лишь для того, чтобы вам было легче понять мою мысль.

— Что ж, мистер Холмс, я признаю, то, что вы говорите, весьма любопытно. Даже больше, чем любопытно, просто поразительно, но не могли бы вы все же объяснить, откуда у него деньги? Он что, занимается подлогами? Печатает фальшивые деньги? Или ворует?

— Вы когда-нибудь читали о Джонатане Уайльде?

— Фамилия как будто знакомая. Это из какого-то романа, да? Знаете, я не очень люблю все эти детективные истории, в которых гениальные сыщики с ходу раскрывают любые преступления, даже не объясняя, как это им удается. Все это лишь фантазии писателей, не имеющие к настоящей работе никакого отношения.

— Джонатан Уайльд не был сыщиком и не является литературным персонажем. Он был выдающимся преступником и жил в середине восемнадцатого века.

— В таком случае он меня не интересует. Я человек дела.

— Мистер Мак, самое лучшее дело, которым вы можете занять себя, это запереться дома на три месяца и каждый день по двенадцать часов изучать историю криминалистики. В нашем мире ничто не ново, даже профессор Мориарти. Джонатан Уайльд был мозгом лондонского преступного мира. За пятнадцать процентов от добычи он разрабатывал и организовывал преступления, но сам при этом оставался в тени. Как говорится, свято место пусто не бывает, и теперь его занял наш профессор, ему на смену придет кто-то другой. Я могу вам еще кое-что рассказать о Мориарти.

— Да, прошу вас, расскажите.

— Мне удалось узнать, кто является первым звеном созданной им цепочки. Цепочки, в начале которой стоит сам Наполеон преступного мира, а в конце — бесчисленная армия громил, карманников,

шантажистов и шулеров, со всеми мыслимыми преступными профессиями между ними. Глава его штаба — полковник Себастиан Моран, человек столь же осторожный, внимательный и недосыгаемый для закона, как и сам Мориарти. Сколько, по-вашему, ему платит Мориарти?

— Хотел бы я знать.

— Шесть тысяч в год. Во столько он ценит его ум... Это американский подход к делу. Мне это стало известно совершенно случайно. Столько у нас не получает даже премьер-министр. Может быть, теперь вы поймете, какие доходы имеет он сам, и осознаете масштаб его деятельности. Еще кое-что: на днях я задался целью проследить кое-какие из чеков Мориарти. Всего лишь безобидные чеки, которыми он оплачивает свои расходы на хозяйство. Так вот, чеки эти выписаны на шесть разных банков. Вам это ни о чем не говорит?

— Довольно странно, конечно! А как вы это объясняете?

— Он всеми силами старается сделать так, чтобы о его богатстве никто не узнал. Ни одна живая душа не должна знать, чем он располагает. Мне доподлинно известно, что у него есть как минимум двенадцать различных банковских счетов. Большая часть его состояния находится за границей, в «Дойч-банк» или «Креди Лионне». Если у вас выдастся свободный год или два, я бы вам посоветовал потратить их на профессора Мориарти.

Разговор все больше и больше захватывал инспектора. Он во все глаза смотрел на Холмса и, казалось, позабыл обо всем на свете. Но вдруг встрепенулся, шотландская практичность заставила его вспомнить о насущном вопросе.

— Ну, с этим можно подождать, — сказал он. — Своим интересным рассказом вы нас увлекли несколько в сторону, мистер Холмс. Сейчас действительно важно то, что вы упомянули о связи между этим профессором и убийством в Берлстоуне. Так вы говорите, что получили предупреждение от некоего Порлока. Можем ли мы для пользы следствия разузнать что-либо еще?

— Мы можем примерно представить себе мотивы преступления. Из ваших слов я понял, что убийство это вам представляется загадочным, по крайней мере необъяснимым, верно? Допустим, что мы не ошибаемся, предполагая, кто за этим стоит. Есть два различных

мотива убийства. Во-первых, надо сказать, что Мориарти держит своих людей в ежовых рукавицах. Дисциплина в рядах его подопечных железная. Любое нарушение правил карается одним — смертью. Можно предположить, что убитый (Дуглас, о чьей предстоящей гибели стало известно одному из приближенных короля преступного мира) каким-то образом предал своего главаря. Последовало наказание. Когда об этом узнают его люди, это внушит им должный страх и уважение.

— Допустим. Это один из вариантов, мистер Холмс.

— С другой стороны, можно предположить, что это обычное, так сказать рядовое, преступление, спланированное Мориарти. Из дома было что-нибудь похищено?

— Мне об этом неизвестно.

— Если было, то это, разумеется, говорит в пользу второй версии. Мориарти мог взяться за разработку этого преступления в обмен на долю добычи, либо же ему просто могли заплатить за подготовку плана. Оба этих варианта возможны. Но если даже мы ошибаемся и в этом случае имела место какая-то другая комбинация, чтобы во всем разобраться, нам нужно отправиться в Берлстоун. Хотя я слишком хорошо знаю этого человека, чтобы надеяться обнаружить там какие-либо улики, указывающие на его участие.

— Итак, едем в Берлстоун! — воскликнул Макдональд и бодро вскочил со стула. — Ого! Уже позже, чем я думал. Джентльмены, на сборы я могу выделить вам лишь пять минут, не больше.

— Нам с Ватсоном этого вполне хватит, — сказал Холмс, снимая халат и надевая сюртук. — Вас, мистер Мак, я попрошу дорогой посвятить меня в подробности дела.

К сожалению, «подробностей дела» оказалось не так уж много, но и их хватило Холмсу, чтобы понять, что случившееся в Берлстоуне заслуживает его самого пристального внимания. Он улыбался и довольно потирал свои худые руки, слушая краткий, но яркий рассказ инспектора. Долгая череда недель вынужденного бездействия осталась позади, наконец-то перед нами возникла задача, достойная применения тех замечательных сил, которые, как и любой не находящий выхода талант, от долгого простоя начинают тяготить своего обладателя. Острый, как лезвие бритвы, разум Холмса без работы тупел и покрывался ржавчиной.

Глаза моего друга заблестели, на бледных щеках выступил румянец, весь лик его озарился внутренним светом, когда он почуял запах работы. В кебе он, подавшись вперед, с жадностью вслушивался в скупой рассказ Макдональда о том, что нас ожидало в Суссексе. Инспектор пояснил, что и сам толком ничего не знает и рассказ его основан на короткой записке, которую сегодня рано утром ему прислали с первым поездом. Тамошний офицер Вайт Мэйсон — его личный друг, поэтому Макдональд узнал о преступлении намного раньше, чем это происходит обычно, когда в провинции требуется помощь Скотленд-Ярда. Как правило, столичные сыщики попадают на место происшествия слишком поздно, чтобы расследовать дело, что называется, «по горячим следам».

«Дорогой инспектор Макдональд, — говорилось в письме, которое он нам прочитал. — Официальный запрос отправлен в отдельном конверте. Эта записка для Вас лично. Телеграфируйте мне, каким утренним поездом Вы сможете приехать в Берлстоун, чтобы я мог Вас встретить или, если буду слишком занят, послать кого-нибудь вам навстречу. Это дело — настоящая головоломка. Пожалуйста, не теряйте ни минуты, приезжайте как можно скорее. Если удастся заручиться помощью Шерлока Холмса, привезите и его, потому что ему этот случай понравится, я уверен. Если бы не труп, мы бы решили, что все это чья-то чудовищная шутка. Поверьте, такого Вы еще не видели».

— А ваш друг, похоже, неглупый человек, — заметил Холмс.

— Да, сэр, Вайт Мэйсон — довольно смысленный парень.

— Хорошо, что еще в письме сказано?

— Только то, что подробности он изложит при встрече.

— Откуда же вы знаете про мистера Дугласа и про то, что он был зверски убит?

— Из официального доклада. Он был приложен к записке, но в нем, конечно же, не упоминалось слово «зверски», ведь такого термина не существует. Там сообщалось имя убитого, Джон Дуглас, и то, что погиб он в результате выстрела в лицо. Стреляли из дробовика. Еще там указывалось время, когда была поднята тревога (около полуночи), и было сказано, что это, несомненно, убийство, задержанных пока нет и обстоятельства дела кажутся весьма и весьма странными, даже загадочными. Вот все, что мне пока известно, мистер Холмс.

— В таком случае, мистер Мак, с вашего позволения, мы пока прекратим разговоры об этом деле. Искушение строить догадки и предположения на основе недостаточных фактов губительно для нашей профессии. Сейчас я вижу лишь два пункта, которые не вызывают у меня сомнения: великий ум в Лондоне и труп в Суссексе. Связь между ними нам и предстоит выяснить.

Глава 3. Берлстоунская трагедия

Теперь я попрошу читателя позволить мне на время поступиться своей незначительной персоной, чтобы иметь возможность, вооружившись знаниями, полученными нами впоследствии, описать события, происшедшие до того, как мы прибыли на место трагедии, ибо только так я могу рассказать о людях, имевших отношение к этому делу, и странных обстоятельствах, предрешивших их судьбу.

Берлстоун — это крошечная, но очень старая деревенька на северной границе графства Суссекс. Насчитывает она всего несколько коттеджей, сложенных из кирпича и дерева. Испокон веков облик этого места оставался неизменным, и лишь несколько лет назад живописный вид и расположение Берлстоуна стали привлекать к себе богатых людей. В окружающих это место лесах, как грибы после дождя, начали появляться богатые виллы. Надо сказать, что местные жители считают свой лес окраиной великого Уилда, который чем дальше на север, тем становится реже, пока постепенно вовсе не растворяется в меловых низинах. Конечно же, после того, как местное население начало увеличиваться, здесь стали появляться многочисленные магазинчики и лавки, и вполне можно ожидать, что скоро Берлстоун, много веков остававшийся деревней, превратится в современный город. Это место является центром весьма обширной территории, поскольку Танбридж-Уэлс, ближайший более или менее крупный город, расположенный милях в десяти-двенадцати на север, относится уже к соседнему графству, к Кенту.

Где-то в миле от деревни посреди старинного парка, знаменитого своими огромными буками, стоит древняя усадьба, которая носит то же имя, что и сама деревня, — Берлстоун. Часть этого старинного здания относится еще к временам Первого крестового похода, когда

Гуго де Капус возвел небольшую крепость посреди своих земель, дарованных ему Рыжим королем. В тысяча пятьсот сорок третьем году она была разрушена пожаром, и ее почерневшие от огня угловые камни были использованы при строительстве кирпичной усадьбы, которая выросла на месте древнего феодального замка уже во времена правления короля Якова Первого.

Сама усадьба с многочисленными фронтонами и небольшими ромбовидными окнами с начала семнадцатого века почти не изменилась. Из двух рвов, которые некогда окружали ее более воинственную предшественницу, внешний давно пересох, и теперь на его месте выращивали овощи, но внутренний сохранился. При ширине в сорок футов он был неглубок, всего несколько футов, и опоясывал все здание. Ров питался небольшим ручьем, поэтому вода в нем хоть и была мутная, но не застаивалась и не источала гнилостных испарений. Окна первого этажа усадьбы находились всего в футе от земли.

В усадьбу можно было попасть только через подъемный мост, цепи и ворот которого давно заржавели и вышли из строя. Правда, последние обитатели Берлстоуна старательно восстановили механизм и теперь подъемный мост не только мог действительно подниматься, но и снова, как в былые времена, начал подниматься каждый вечер и опускаться каждое утро. Таким образом, на ночь усадьба превращалась в своеобразный остров, что имело самое непосредственное отношение к загадке, которая в скором времени привлекла к этому месту внимание всей Англии.

Несколько лет дом оставался необитаем, ветшал и грозил превратиться в живописные развалины, пока им не завладели Дугласы. Эта семья состояла всего лишь из двух человек — Джона Дугласа и его жены. Дуглас обладал своеобразным характером и внешностью. На вид ему было лет пятьдесят, его грубо очерченное лицо с квадратной нижней челюстью украшали седоватые усы, глаза у него были серые и удивительно проницательные. Его жилистое, атлетического склада тело с годами не утратило юношеской силы и гибкости. Он был приветлив и общителен, правда, некоторая грубоватость его манер наводила на мысль о том, что в прошлом ему довелось вращаться в гораздо более низких социальных слоях, чем провинциальное общество графства Суссекс.

Впрочем, хоть его более культурные соседи и относились к нему несколько настороженно, очень скоро он сумел завоевать сердца простых односельчан тем, что стал жертвовать значительные суммы на все местные мероприятия, не пропускал проводившихся в деревне праздников и встреч, на которых неизменно радовал жителей деревни исполнением песен, а голос у него, надо сказать, был дивный, редкий по глубине тенор. Похоже, он был богат. В деревне поговаривали, что капитал свой он заработал на золотых приисках в Калифорнии, к тому же он сам не раз упоминал, что они с женой какое-то время жили в Америке.

Хорошее впечатление, которое он произвел на односельчан щедростью и простотой манер, усилилось еще и совершенным пренебрежением к любого рода опасностям. Наездник он был никудышный, но, несмотря на это, принимал участие во всех проводимых в деревне охотничьих сборах и в своем искреннем желании угнаться за лучшими местными всадниками много раз переживал такие невероятные падения, что те, кто это наблюдал, просто диву давались, как это он ни разу не покалечился. Когда однажды в доме приходского священника случился пожар, он поразил всех тем, что несколько раз входил в горящее здание, чтобы спасти как можно больше вещей, и это после отказа команды пожарных, сославшихся на большую опасность. Таким образом, за пять лет жизни в Берлстоуне Джон Дуглас полюбился всем обитателям этой небольшой деревни.

Все, кто был знаком с его женой, и ее находили весьма приятной особой, хотя по английскому обычаю к тому, кто официально не представлен местному обществу, не принято часто ходить в гости. Впрочем, для нее это мало что значило, поскольку, будучи не слишком общительной, судя по всему, предпочитала все свое время тратить на ведение хозяйства и заботу о муже. Знали также, что она англичанка и познакомилась с мистером Дугласом в Лондоне, когда он был вдовцом. Это была красивая высокая брюнетка, стройная, лет на двадцать моложе супруга. Столь существенная разница в возрасте, похоже, нисколько не сказывалась на их семейной жизни.

Только самые близкие знакомые порой замечали, что доверие между супругами не было полным, поскольку при общении с ними создавалось такое впечатление, что жена либо предпочитала не

вспоминать о прошлой жизни своего мужа, либо — и это казалось более вероятным — попросту не все о ней знала. Кроме того, некоторые особо внимательные люди подметили и потом неоднократно в своем кругу обсуждали тот факт, что в поведении миссис Дуглас наблюдалась нервозность, которая в значительной мере возрастала всякий раз, когда ее супруг где-то задерживался и долго не возвращался домой. В деревенской глуши, где рады любой возможности посудачить, эта слабость хозяйки поместья Берлстоун не могла не вызвать живейшего интереса. О ней вспомнили и после тех событий, которые заставили посмотреть на эту странность ее поведения с другой стороны.

И еще один человек жил под этой крышей. Правда, не постоянно, наездами, но тем не менее его присутствие в доме в то время, когда произошли странные события, о которых сейчас пойдет речь, сделало его имя предметом всеобщего обсуждения. Это Сесил Джеймс Баркер, проживавший в Хэмпстеде, в Хейлс-лодж.

Берлстоунцы часто видели на своей главной улице высокую, статную фигуру Сесила Баркера, который был частым и желанным гостем в старинной усадьбе с подъемным мостом. Больше всего его знали как единственного друга из прошлой, покрытой мраком тайны жизни ее хозяина. Сам Баркер несомненно был англичанином, но, судя по некоторым его высказываниям, с Дугласом познакомился в Америке, там же с ним и сдружился. В деревне он считался богатым холостяком.

Баркер был младше Дугласа, ему от силы было лет сорок пять. Это был долговязый парень с могучей грудью и чисто выбритым лицом профессионального боксера. Под густыми смоляными бровями сверкали такие яростные черные глаза, что, казалось, он мог одним взглядом проложить себе дорогу во враждебно настроенной толпе, даже не пуская в ход своих довольно внушительных кулаков. Он не совершал прогулок верхом и не охотился. Занимался лишь тем, что ходил по улицам деревни с трубкой в зубах или катался со своим хозяином, либо, если того не было дома, с хозяйкой по живописной округе. «Общительный и очень щедрый человек, — так отзывался о нем дворецкий Эймс. — Но, честное слово, он не из тех людей, с которыми я хотел бы ссориться». С Дугласом он держался сердечно и по-свойски, да и с женой его был не менее дружен... Это, впрочем, не

раз вызывало такое сильное раздражение у мужа, что замечали даже слуги. Таким был третий персонаж, который находился в старинном поместье, когда там разыгралась трагедия.

Что касается прочих обитателей этого дома, из всего штата слуг достаточно упомянуть строгого чопорного Эймса и миссис Аллен, пышущую здоровьем жизнерадостную особу, которая помогала леди по хозяйству. Остальные шесть слуг не имеют никакого отношения к событиям ночи шестого января.

Первый сигнал поступил в небольшой местный полицейский участок в одиннадцать сорок пять. В это время дежурил сержант Вилсон. К участку прибежал крайне взволнованный Сесил Баркер и принялся изо всех сил трезвонить в звонок. Срывающимся голосом он сообщил, что в усадьбе произошла страшная трагедия, убит Джон Дуглас, и тут же помчался обратно. Через несколько минут за ним поспешил и сержант. На место происшествия он прибыл чуть позже полуночи, предварительно поставив начальство в известность о том, что случилось нечто серьезное.

Добравшись до усадьбы, сержант увидел, что подъемный мост опущен, в окнах горит свет, а все обитатели дома взволнованы и напуганы. Бледные слуги жались к стене в холле, дрожащий от страха дворецкий стоял, ломая руки, в дверях. Только Сесил Баркер, похоже, еще владел собой и своими чувствами. Он открыл ближайшую ко входу дверь и взмахом руки пригласил сержанта следовать за собой. Как раз в это время прибыл доктор Вуд, расторопный и энергичный деревенский лекарь. Трое мужчин вместе вошли в страшную комнату. За ними последовал и охваченный ужасом дворецкий, который прикрыл дверь, чтобы скрыть ужасную картину от глаз служанок.

Труп лежал в центре комнаты на спине, широко раскинув руки и ноги. Он был в ночной рубашке и розовом халате, из которого торчали голые ноги в домашних тапочках. Доктор взял со стола лампу и опустился на колени рядом с телом. Одного взгляда на жертву было достаточно, чтобы понять: присутствие врача здесь уже не требуется. Рана была чудовищной. На груди мертвеца лежало необычное оружие — дуствольный дробовик со спиленными в футе от спусковых крючков стволами. Не оставалось сомнения, что стреляли из него. Выстрел произведен с близкого расстояния, заряд попал жертве прямо в лицо и почти снес голову. Спусковые крючки были связаны, чтобы

одновременный выстрел из обоих стволов был как можно более разрушительным.

Деревенский полицейский был испуган и подавлен той огромной ответственностью, которая столь неожиданно легла на его плечи.

— Пока не прибудет мое начальство, мы здесь ничего не будем трогать, — запинаясь, тихо пробормотал он, глядя на изувеченную голову трупа.

— Пока что здесь никто ничего не трогал, это точно, — сказал Сесил Баркер. — Тут все осталось в том виде, в каком я это обнаружил.

— Когда это произошло? — Сержант достал из кармана записную книжку.

— В половине двенадцатого. Спать я еще не ложился. Я сидел у себя в спальне перед камином, когда услышал выстрел. Негромкий... какой-то приглушенный. Я тут же бросился вниз. Думаю, не прошло и тридцати секунд, как я оказался здесь, в этой комнате.

— Дверь была открыта?

— Да, открыта. Бедный Дуглас уже вот так и лежал. На столе в подсвечнике из его спальни горела свеча. Лампу зажег я через несколько минут.

— Вы никого не видели?

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ